

ность гражданского участия в принятии законов, равенство, общее благо. На наш взгляд, только исходя из такой многомерности справедливости, можно уяснить ее специфику как юридической и универсальной социально-политической категории и тем самым определить ее значение не только для современных социальных наук (юридических, социально-политических), но и для социально-политической практики. В современной отечественной юриспруденции и законодательстве Республики Беларусь справедливость из теоретического конструкта превращается в правовой механизм ее имплементации в нормотворческий процесс. Об этом свидетельствует Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», в котором справедливость провозглашена принципом правотворчества, а также внедрение в законодательный процесс таких инновационных юридических институтов, как публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов, прогнозирование последствий принятия (издания) нормативных правовых актов, проведение правового мониторинга, позволяющих привлечь к правотворчеству заинтересованных граждан, учесть их юридические интересы, что и является реализацией идеи справедливости.

Список использованных источников

1. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
2. Гурвич, Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. / Г. Д. Гурвич ; пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 848 с.
3. Дигесты Юстиниана : в 4 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2002. – Т. 1. – 584 с.
4. Дювернуа, Н. Л. Значение римского права для русских юристов / Н. Л. Дювернуа. – Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1872. – 25 с.
5. Козел, А. А. Категория справедливости в политико-правовой мысли Древней Греции / А. А. Козел // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 2. – С. 167–170.
6. Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – Минск : Нар. света, 1984. – 461 с.
7. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017. – 263 с.
8. Поляков, А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву / А. В. Поляков // Тр. Ин-та государства и права РАН. – 2021. – Т. 16, № 6. – С. 39–101.
9. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ., науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
10. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 496 с.
11. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев [и др]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
12. Хвостов, В. М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum* в римской классической юриспруденции / В. М. Хвостов. – М. : Унив. тип., 1895. – 309 с.
13. Экимов, А. И. Справедливость и социалистическое право / А. И. Экимов. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1980. – 120 с.

Дата поступления в редакцию: 02.03.2022

УДК 340.1

В. И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-педагогического факультета
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: vadim_pavlov@tut.by

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙ «СУБЪЕКТ ПРАВА» И «ЛИЧНОСТЬ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОТ ДРЕВНЕРИМСКОГО ПРАВА МАСОК (IUS IMAGINUM) ДО СОВРЕМЕННОГО ПОНЯТИЯ ПРАВОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается процесс формирования понятия «субъект права» в правовой традиции, прослеживается начало его зарождения в древнеримской юриспруденции. Анализируется процесс зарождения понятий «личность» и «человек» в эпоху Нового времени, различие между этими понятиями и понятием «субъект

права». Исследуется современное состояние учения о правовой личности, демонстрируются кризисные явления в развитии данного учения и указываются его недостатки.

Ключевые слова: право, субъект права, личность, человек, права человека, антропология права.

V. I. Pavlov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Doctoral Candidate of the scientific and pedagogical faculty
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: vadim_pavlov@tut.by

FORMATION OF THE CONCEPTS OF SUBJECT OF LAW AND PERSONALITY IN LEGAL TRADITION: FROM THE ANCIENT ROMAN LAW OF MASKS (IUS IMAGINUM) TO THE MODERN CONCEPT OF LEGAL PERSONALITY

Considered of the process of the formation of the concept of «subject of law» in the legal tradition, the beginning of its origin in the ancient Roman jurisprudence is traced. The process of origin of the concepts «personality» and «man» in the era of modern times is analyzed, the difference between these concepts and the concept of «subject of law» is considered. The current state of the doctrine of a legal personality is investigated, crisis phenomena in the development of this doctrine are demonstrated and its shortcomings are indicated.

Keywords: law, subject of law, personality, person, human rights, anthropology of law.

В общетеоретическом и отраслевом правоведении, равно как и в законодательстве большинства современных государств, наиболее распространенным понятием, характеризующим человека в правовой реальности, выступает понятие «субъект права».

Со времен древнеримской юриспруденции в правовой традиции сложился такой подход, согласно которому человек юридический, юридическая личность, *persona*, то, что сегодня обобщенно выражается понятием «субъект права», выступает не только обозначением, наименованием человека в праве, но и юридической категорией, посредством которой складывается представление и понимание возможного присутствия человека в правовой реальности. Как верно отмечает современный итальянский романист К. Кашоне, в римском праве слово *persona* на латинском языке, восполняя отсутствие артикля, имело определенную функцию и выражало потенциал абстрагирования, классификации, догматизации [14, с. 201]. Иными словами, данный юридический термин выполнял функцию инструментально-технического представления человека в правовой реальности, тем самым облегчая решение юридических дел в сфере гражданского оборота.

Истоки исконного употребления юридического понятия лица, персоны, восходят к древнеримскому религиозному культу *ius imaginum* – праву масок, связанному с погребальным обрядом. Как отмечает Л. Л. Кофанов, «суть права масок заключалась в том, что знатным римским гражданам представлялось право после их смерти провести гражданскую панихиду по ним на римском форуме, т. е. при участии всех римских граждан, с хвалебной погребальной речью в их честь, произносимой старшим сыном или ближайшим родственником умершего. После погребения [посмертная] маска покойного с особыми почестями выставлялась в шкафу в атриуме его дома. Впоследствии его маска, как и маски других его именитых предков, участвует во всех погребальных и некоторых других публичных религиозных ритуалах его рода» [13, с. 34].

Постепенно апеллирование к авторитету предков рода, к их маскам в архаичном римском обществе стало оказывать влияние на определение социального и юридического статуса римской семьи, формирование родового и семейного права и систему наследования. Право демонстрации посмертных масок предков знатными римскими гражданами имело не частноправовой, а публично-правовой характер, поскольку обладало общегосударственным значением и создавало политико-правовой авторитет семье и ее членам, имевшим прославленных через *ius imaginum* предков. Л. Л. Кофанов, следуя доводам Дж. Франчози, отмечает, что *ius imaginum* являлось древнейшим символом так называемой власти отцов – *patria potestas*, в архаичном Риме обозначавшем власть главы римского рода и одновременно представлявшем области как частного, так и публичного права [13, с. 38; 24, р. 43–102; 25, р. 261–290].

Именно в рамках древнего архаичного права масок и была заложена основа формирования сугубо римской юридической концепции лица – *ius personatum*, или на современном языке – субъекта права. Уже к I в. до н. э. эта римская юридическая концепция лица отделилась от права

масок, хотя «в течение многих веков *ius personarum* развивалось именно в рамках права масок» [13, с. 40]. По крайней мере, следует признать, что уже в период Законов XII Таблиц (451–450 гг. до н. э.) юридическое понятие *persona* использовалось как в частноправовой, так и в публично-правовой сфере.

В дальнейшем римская юридическая концепция персоны – субъекта права, выделившаяся из права масок, использовалась в римском праве классического и постклассического периодов, после чего достаточно долгое время разрабатывалась в рамках континентальной юриспруденции, связанной с феноменом рецепции римского гражданского права на Западе. Неслучайно учение о субъекте права разработано в основном в рамках цивилистической науки, равно как и представление о человеке в праве как о субъекте права без исключения во всех отраслях права формируется в основном именно римско-юридической, т. е. гражданско-правовой точкой зрения.

Наряду с понятием «субъект права» юридическая наука, а также современный законодатель используют и такие понятия, как «личность», «человек». Эти юридизированные понятия, в отличие от более древнего понятия субъекта права как юридической персоны, сформировались в юриспруденции в более позднюю эпоху – эпоху Нового времени – и связаны со сменой дискурсивной формации: от средневековой доклассической к новоевропейской классической [21, с. 244]. Правоведы, особенно специалисты в области международного и конституционного права, обычно используют понятия «субъект права», «человек» и «личность» в качестве синонимичных.

Следует отметить, что понятие «субъект права» и представление о человеке в правовой реальности как о юридической персоне еще в древнеримском гражданско-правовом обороте формировалось инструментально, т. е. служило технико-юридическим средством, облегчающим решение практических задач жизнедеятельности римского общества. Понятия же «личность», «человек», которые под влиянием новоевропейских правовых идей приобрели юридическое значение, носили прежде всего идейно-политический, концептуальный характер. Только на уровне конституционного и международного права эти понятия выполняли инструментальную функцию и использовались для формулирования правовых положений в рамках этих отраслей права. В рамках других отраслей права, особенно отраслей охранительного вида, использовалось традиционное операциональное понятие субъекта права.

Все правовые концепции, которые были разработаны в эпоху буржуазных революций, основаны на новоевропейской модели человека и личности в юридическом дискурсе, а в более широком смысле – в гуманитарном дискурсе как таковом. Личность и человек в данных концепциях рассматриваются с гуманистических позиций, а именно: личность, ее права и свободы признаются в качестве высшей ценности общества и государства. Эта конституционно-правовая новоевропейская формула стала своего рода стандартом понимания человека юридического для западных и близких к ним в правовом отношении государств. Формально юридически она была воспринята и конституциями всех бывших советских республик.

Несложно заметить, что в такой интерпретации происходит отождествление двух различных по смыслу понятий – понятия «личность» и понятия «права и свободы личности». Сущностью личности становятся ее права и свободы, т. е. понятие личности при таком подходе полностью юридизируется. Данное понимание личности было обосновано еще в работах И. Канта и других европейских просветителей посредством использования рационально-механистической модели человека и трансцендентальной этики [8, 10]. Согласно такому подходу онтологическая основа и ориентир существования общества и человека – это разумная свобода человеческого произвола, по Г. Гроцию – «разумное самоопределение человеческой свободы» [7, с. 46]. Разумность обеспечивается правовой защитой, выступающей формой либеральных капиталистических отношений прежде всего путем признания верховенства права частной собственности. Первым священным и абсолютным характером такого права как формы правовой защиты человека сформулировал Дж. Локк [16, с. 263]. Онтологическим источником разумных прав и свобод человека в такой концепции выступает «природа» (*Ius Naturale*). Притязания человека на признание своих прав и свобод начинают рассматриваться с природной, т. е. естественно-правовой точки зрения.

Таким образом, в новоевропейском правовом представлении о личности, по сути, смешиваются три различных понятия: личность человека; природа (сущность) человека; права и свободы человека.

Новоевропейское понятие личности человека характеризует ее в юридическом смысле по преимуществу, и именно поэтому указанная характеристика новоевропейского понимания личности связана в основном с завоеваниями буржуазии в отношении защиты своих экономических прав и свобод. На Западе вплоть до середины XX в. в гуманитаристике данное понимание личности считалось адекватным для всех гуманитарных дискурсов.

Не последнюю роль в формировании такого понимания личности сыграла континентальная средневековая юриспруденция и римско-католическая схоластика. Еще раннесредневековый западноевропейский мыслитель Северин Бозций (480–524 гг. н. э.) полагал, что личность есть «индивидуальная субстанция разумной природы» [4, с. 405]. Крупнейший схоласт и систематизатор Средневековья Фома Аквинский (1225–1274) в целом следовал понятию личности, как у С. Бозция, и также смешивал понятия из различных онтологий. «Представляется, – говорит Ф. Аквинский, – что лицо есть то же самое, что ипостась, субсистенция и сущность... <...> ...в определение лица следует включать не „природу“, но скорее „сущность“» [2, с. 379–380]. Другой западноевропейский теолог и схоласт Петр Абеляр (1079–1142), идеи которого были во многом восприняты глоссаторами для разработки формально-юридического метода в правоведедении, также воспроизводил трактовку С. Бозцием лица как субъекта-субстанции [1, с. 320].

В современной юридической литературе трактовка личности в праве основывается на классическом, новоевропейском подходе, за исключением современных постклассических исследований правовой субъектности двух-трех последних десятилетий. В учебниках по общей теории права новоевропейское понятие личности используется как само собой разумеющееся без обращения к исследованию природы личности в праве [15, 17, 18]. Личность рассматривается в качестве данности ее для права: методологически обусловленная новоевропейским понятием человека, она характеризует его «как субъекта социокультурной жизни... как носителя индивидуального начала (интересы, способности, устремления, самосознание и т. д.), самораскрывающегося в контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности» [19, с. 369]. Личность в праве есть «человек, обладающий совокупностью определенных социально значимых свойств, проявляющихся в его отношениях с другими людьми... <...> ...это индивид, сознательно определяющий свое деятельностное отношение к окружающему его миру» [6, с. 406–407]. С. Г. Дробязко отмечал, что «юридический аспект личности “вбирает” в себя все самые значимые грани – естественную (биологическую), социальную, поведенческую, философско-нравственную, политическую и собственно-правовую, выражающуюся в ее юридических правах и обязанностях в духе принципов права» [9, с. 5].

Иными словами, в юриспруденции в основном используется новоевропейское понятие личности, сосредоточивающееся на принципах рациональности и автономности лица, занимающего в социуме активно-деятельностную позицию. Видимо, поэтому в учебной литературе можно встретить утверждение о том, что «не могут признаваться в полном смысле этого слова личностями малолетние, душевнобольные и умалишенные» [6, с. 407]. Впрочем, отдельные правоведы признают ребенка, находящегося в утробе матери, равно как и умалишенного, личностью исходя из более широкого ее понимания в духе юснатурализма [20, с. 163].

Таким образом, личность в праве рассматривается прежде всего в рационалистической и социально-деятельностной парадигмах, это прежде всего сознательный субъект с определенной социальной позицией.

Недостаток данной антрополого-правовой модели связан с невозможностью адекватного ответа на вызовы современной правовой действительности и утратой методологических ориентиров в понимании того, кто есть человек и его личность и каким способом они должны получать правовую защиту и развиваться. Особенно наглядно это проявилось в связи с двумя крупными проблемами современности: проблемой цифровизации права и человека в праве, когда оказалось, что картезианско-кантианская модель субъекта права не может ничего противопоставить антигуманистическим вызовам, исходящим из сферы информационно-коммуникационных технологий [22], а также проблемой соматических прав человека, продемонстрировавшей, что классическая модель субъекта права позволяет оправдывать любые человеческие притязания, даже те из них, которые противоречат как нормам нравственности, так и человеческой природе [5].

Кроме того, нельзя не учитывать, что в современной правовой действительности гуманистический пафос личности в праве с позиции провозглашения ее прав и свобод, декларирования ее в качестве высшей ценности общества и государства практически столкнулся с фактической проблемой распада личности, кризиса ценностей и утраты аксиологических ориентиров, утратой человеком личностной идентичности и конституции. Во многих дискурсах, не только в гуманитарных, обозначились проблемы понимания гуманизма и человечности, личности. Не только юриспруденция, но и искусство, медицина, технические науки, экология, природоведение и другие области знания, основанные на новоевропейских методологических установках, столкнулись с утратой методологических ориентиров и понимания телеологии развития своей области знания относительно вопроса о человеке.

В современной юриспруденции стала более заметной тенденция искажения юридического понятия свободы личности в контексте глобальных социальных процессов. Ж. Бодрийяр одним из первых заметил, что нередко право уже не столько предоставляет свободу человеку, не столько регулирует отношения в социуме, сколько становится инструментом принуждения к насильственному потреблению свободы [3]. Тем самым, право само становится своего рода проводником и жертвой потребления, попадает в зависимость от антропологических техник общества потребления. Сегодня типичный пример этого – проблема ограничения безудержного распространения рекламы как фактора, ограничивающего свободу человека. В современном мире не столько развитие бизнеса, рекламы, торговли в интересах общества нуждается в юридической защите, сколько сам человек нуждается в юридической защите от тотальной рекламизации социальной реальности, начиная с права на защиту от рекламы собственного почтового ящика, номера мобильного телефона и заканчивая экологией городского ландшафта и общественного транспорта.

Еще один пример – это политизация учения о правах и свободах человека, манипулятивность данного учения [12]. Как отмечает в связи с этим Д. А. Пашенцев, «права человека – это политический инструмент. Они создавались как инструмент свержения английского колониального господства и французского абсолютизма, они и сегодня выступают инструментом политического давления на неудобные режимы вплоть до их вооруженного свержения» [23, с. 14–15]. Политизация учения о правах и свободах человека подтверждается и деятельностью Международного уголовного суда. По мнению В. Д. Зорькина, «неоднократной критике подвергался Международный уголовный суд, который многими государствами Африки называется „судом для Африки“, так как подавляющее большинство ситуаций, рассматриваемых им, происходит именно из этого региона мира. Причем попытки начать рассмотрение ситуаций, в которые были бы вовлечены европейские государства или США, неминуемо сталкиваются с противодействием» [10, с. 16]. Еще один наглядный пример – это современный европейский кризис учения мультикультурализма, т. е. равенства прав и свобод человека вне зависимости от цивилизационно-культурных факторов (религии, этнической психологии, нравов, традиций и т. д.), что выразилось в современной проблеме миграции в Западной Европе.

Таким образом, при исследовании проблемы человека в правовой реальности принципиально важно понимать, что юридические понятия «личность» и «человек» в том смысле, в котором они используются сегодня, сформировались на Западе в рамках новоевропейской юридической дискурсивной формации. Эти понятия поэтому включают в себя все характеристики этой формации. При этом понятие «субъект права» напрямую не связано с новоевропейскими юридическими понятиями «личность» и «человек»: оно сформировалось в древнеримской юриспруденции и изначально имело технико-юридический характер, который в основном сохраняется за ним до настоящего времени.

Альтернативные модели правовой личности и в целом новые подходы к пониманию человека в правовой реальности, разрабатываемые, например, в постклассической юриспруденции в целом и в антропологии права в частности, представляют значительный интерес для современной юридической науки и практики. Основным отличием этих антрополого-правовых моделей является актуализация личностно-ценностных компонентов при характеристике правовой субъектности, акцент не только на формально-юридические свойства субъекта, но и на практи-

ку правового существования человека, а также учет цивилизационно-культурной специфики в обосновании различных типов правовой субъектности.

Список использованных источников

1. Абеляр, П. Теологические трактаты / П. Абеляр. – М. : Канон+, Реабилитация, 2010. – 640 с.
2. Аквинский, Ф. Сумма против язычников : в 2 кн. / Ф. Аквинский. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – Кн. 1. – 440 с.
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Республика : Культур. революция, 2006. – 269 с.
4. Боэций, С. Против Евтихия и Нестория / С. Боэций // «Утешение философией» и другие трактаты / С. Боэций. – М. : Наука, 1990. – С. 167–190.
5. Василевич, Д. Г. Конституционные основы реализации соматических (личностных) прав: теория и практика : монография / Д. Г. Василевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2018. – 319 с.
6. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 479 с.
7. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – Репринт с изд. 1956 г. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
8. Декарт, Р. Человек / Р. Декарт ; пер. с фр. Б. М. Скуратов ; сост., ред., послесл. и примеч. Т. А. Дмитриева. – М. : Праксис, 2012. – 128 с.
9. Дробязко, С. Г. Личность в праве / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – Вып. 16. – С. 3–21.
10. Зорькин, В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации / В. Д. Зорькин // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7–19.
11. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Сочинения : в 8 т. / И. Кант. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 7. – С. 137–376.
12. Королев, С. В. Апоретика прав человека. Против европоцентризма в юриспруденции / С. В. Королев. – М. : Телер, 1998. – 45 с.
13. Кофанов, Л. Л. Persona и persona publica в республиканском Риме / Л. Л. Кофанов // Древ. право. IVS ANTIQVVM. – 2010. – № 1. – С. 27–50.
14. Ланца, К. Хроника VI Научного Международного семинара «Римское право и современность» на тему «Индивидуумы и res publica от римского юридического опыта до современных концепций. Проблема понятия persona» (Неаполь, 26–29 октября 2010 г.) // Древ. право. IVS ANTIQVVM. – 2013. – № 1. – С. 188–211.
15. Лившиц, Р. З. Права человека / Р. З. Лившиц // Теория права : учебник. – М. : БЕК, 1994. – С. 151–169.
16. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. / ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – С. 135–405.
17. Матузов, Н. И. Право и личность / Н. И. Матузов // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993. – С. 222–246.
18. Нерсисянц, В. С. Правовое государство в постсоветской России / В. С. Нерсисянц // Общая теория права и государства : учеб. для вузов / В. С. Нерсисянц ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. – М. : Норма, 1999. – С. 329–354.
19. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск, 1998. – 896 с.
20. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ, 2013. – 416 с.
21. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 262 с.
22. Павлов, В. И. Трансформация субъекта права в условиях «цифрового поворота»: антрополого-правовой анализ / В. И. Павлов // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М. : Инфотропик Медиа, 2021. – С. 21–33.
23. Пашенцев, Д. А. Права человека в системе взаимоотношений государства и личности / Д. А. Пашенцев // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. памяти проф. Ф. М. Рудинского, 23 апр. 2015 г. / Моск. гос. пед. ун-т ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 14–15.
24. Franciosi, G. Clan gentilizio e strutture monogamiche: contributo alla storia della famiglia romana / Gennaro Franciosi. – 6. ed. – Napoli : Jovene, 1999. – 360 p.
25. Franciosi, G. Famiglia e persone in Roma antica: dall'eta arcaica al principato / Gennaro Franciosi. – 3. ed. – Torino : G. Giappichelli, 1995. – 256 p.

Дата поступления в редакцию: 01.02.2022